

УДК 347.53

Л.В. Войтович*, *И.В. Сергеев*****ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВСЛЕДСТВИЕ ПРИЧИНЕНИЯ
ВРЕДА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.-НАЧАЛА XX В.**

В статье проведено исследование основных положений института гражданско-правовой (деликтной) ответственности во II половине XIX в.-начале XX в. в исторической ретроспективе, выявлены пробелы и коллизии, связанные с правовым регулированием изучаемой области правоотношений, проведен частичный анализ институтов гражданско-правовой ответственности зарубежных государств того же периода с целью получить исчерпывающее представление об источниках Закона 21 марта 1851 года.

Ключевые слова: деликт, деликтная ответственность, гражданско-правовая ответственность, обязательства вследствие причинения вреда, вред, убытки, Закон 21 марта 1851 года.

В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью, а их соблюдение и защита – обязанностью государства. В соответствии с этим функции по государственно-правовой защите прав и свобод граждан возложены на государственные органы. Однако практика показывает, что в процессе совершения государственными органами правомерных и неправомерных действий нарушаются права и свободы граждан, причиняется им имущественный и моральный вред, а также вред их жизни и здоровью, в частности из-за того, что современное состояние правового регулирования гражданско-правовой (деликтной) ответственности должным образом не учитывает все необходимые условия для полноценного обеспечения защиты прав и свобод граждан.

Несмотря на достаточное количество правовых норм, регулирующих деликтную ответственность, отечественная правовая наука не предложила в должной мере завершенную и обоснованную концепцию ответственности государственных органов и их должностных лиц за вред, причиненный осуществлением своих полномочий.

Данное обстоятельство предопределяет необходимость исследования гражданско-правовой (деликтной) ответственности во II половине XIX в.-начале XX в. в исторической ретроспективе, с целью изучения положительного опыта правового регулирования и правоприменения института деликтной ответственности в данный период для его дальнейшего использования при выработке конкретных рекомендаций по совершенствованию современного отечественного законодательства.

Нормы, определяющие ответственность вследствие причинения вреда в России II половины XIX в.-начала XX в., в большей части были установлены Законом от 21 марта 1851 года (далее – Закон) [3, с. 75]. Названный Закон делился на три части: первая – регламентировала ответственность приемщиков беглых крепостных и еще ряд специальных вопросов, касающихся правоотношений между помещиками и крепостными; вторая – определяла владение законное и незаконное; третья часть – представляет наибольший интерес для исследования, так как она посвящалась непосредственно вопросу о вознаграждении за вред частного характера. В свою очередь третья часть подразделялась на четыре раздела: «о вознаграждении за владение чужим имуществом»; «о вознаграждении за вред и убытки, причиненные преступлением или

© Войтович Л.В., Сергеев И.В., 2015.

DOI: 10.15350/2221-7347.2015.10

**Войтович Леонид Васильевич* – кандидат педагогических наук, доцент, военнослужащий, Министерство обороны, Россия.

***Сергеев Илья Витальевич* – военнослужащий, Министерство обороны, Россия.

проступком»; «о вознаграждении за вред и убытки, последовавшие от деяний, не признаваемых преступлениями и проступками»; дополнительные статьи.

Изучение положений Закона представляется довольно сложным, прежде всего потому, что в нем отождествляются понятия ответственность за вред и убытки с ответственностью за деяния, причиняющие вред. Подобное отождествление с современной точки зрения является ошибочным в связи с тем, что указанные понятия различны не только по своей природе, но и по порядку их правового регулирования.

Вероятнее всего, причиной указанной правовой ошибки является ориентированность отечественного законодателя при составлении Закона на сходные нормы во французском Гражданском кодексе 1804 г. (далее – Кодекс) [4]. Несмотря на то, что нормы о вознаграждении за вред и убытки в нем довольно немногочисленны (ст.ст. 1382-1386), они являлись одними из первых в современных законодательствах и, в значительной мере, отличались от соответствующих понятий в римском праве.

Реципируя нормы римского права, которому, как уже неоднократно отмечалось современными юристами «была чужда общая норма об ответственности за причиненный вред» [1, с. 11], а ответственность правонарушителя могла возникнуть из конкретных случаев, прописанных в законе, российский законодатель допустил то же упущение. Деление в римском праве правонарушений на деликты и квазиделикты не имело единого рационального основания. Во французском же Кодексе укоренилось деление деяний на деликты (противоправные, умышленные деяния) и квазиделикты (противоправное деяние, вызванное неосторожностью). Так ст. 1382 устанавливала ответственность за деликты, ст. 1383 – за квазиделикты. Таким образом, французское цивилистическое учение было положено российским законодателем в основу главы, регламентирующей ответственность за недозволенные деяния, и впоследствии оказало определяющее влияние на формулирование правовых норм, закрепленных в статьях Закона. Принимая во внимание вышеизложенное, представляется возможным полагать, что ст. 644 Закона, предусматривающая ответственность за преступления и проступки – это подобие деликтов французского права, а ст. 684, определяющая деяния не преступные – это ничто иное как французские квазиделикты.

В подтверждение приведенного предположения можно привести текст ст. 684 Закона: «Всякий обязан вознаградить за вред и убытки, причиненные кому-либо его деянием или упущением, хотя сие деяние или упущение не составили ни преступления, ни проступка, если только не будет доказано, что он не был принужден к тому требованиями закона или правительства, или необходимой личной обороною, или же стечением таких обстоятельств, которых он не мог предотвратить». Не остается сомнений, что под формулировкой «деяния или упущения, не составляющие ни преступления, ни проступка», законодатель предполагает причинение вреда неумышленными действиями, используя понятие французского квазиделикта.

На основе этого представляется возможным констатировать, что Закон, по крайней мере в части деликтной ответственности, создан на основе французского Кодекса. Само же разграничение посредственного и непосредственного причинения, по-видимому, было попыткой рецепции прусского гражданского права. Оно заключалось в разделении ответственности по степени вины:

- при наличии умысла или грубой неосторожности правонарушитель обязывался возместить потерпевшему все возможные убытки, которые тот понес от правонарушения; в случае, если правонарушение было совершено по средней неосторожности, то вред лишь частично подлежал возмещению;

- в тех случаях, когда правонарушение было совершено по легкой неосторожности, возмещению подлежал лишь непосредственный вред, последовавший от действий правонарушителя.

Но, по-видимому, авторы Закона, все же, отклонились от прусского опыта в области определения ответственности. Также следует акцентировать внимание на том, что законодатель разделяет понятия вред и убытки. Возможно, это было сделано с целью, показать, что в некото-

рых случаях ответственность наступает одновременно за вред и убытки, а иногда (вероятнее всего в материальных спорах) только за убытки.

Из приведенного выше текста ст. 684 Закона так же отчетливо видно, что одна норма сочетала в себе ответственность за умышленные и не умышленные действия, не конкретизируя при этом, какая санкция следует за преднамеренное причинение вреда, а какая за неумышленное. Отсутствие подобного разграничения не только противоречит элементарным принципам справедливости, но и основополагающим принципам института деликтной ответственности. Для примера можно обратиться к нормам российского уголовного права II половины XIX в. – начала XX в., которые разграничивали умышленные и неумышленные преступные деяния.

Умышленные деяния, в свою очередь, предполагали предумышленные деяния и по внезапному побуждению (не предумышленные). В зависимости от характера деяния определялась степень вины субъекта, а, следовательно, и степень наказания, которое он должен был понести.

Гражданскому же праву такое деление было чуждо. С одной стороны в деликтах, связанных с причинением вреда имуществу в таком делении необходимости не было, так как несмотря на степень виновности правонарушителя, основной целью ответственности было не его наказание, а возмещение понесенных потерпевшим убытков. А вот в части касающейся неимущественных деликтов отсутствие подобного деления было серьезным упущением.

Норма ст. 645 Закона имела совершенно самостоятельно значение. Помимо того, что в ней в отличие от всех остальных статей говорилось не о «вреде и убытках», а о «убытках и потерях». Здесь прослеживается идея дополнения ст. 644 Закона. Если ст. 644 предполагала ответственность за весь вред и непосредственные убытки, то ст. 645 предполагала возмещение косвенных убытков, определяемых понятием «потери». В ней была предпринята попытка ограничения ответственности возмещением вреда лишь тех убытков, которые последовали непосредственно от действий правонарушителя. Однако вопрос об ограничении ответственности был достаточно проблематичен, так как он противоречил ранее заложенному принципу возмещения всех убытков, которые были причинены правонарушением.

Не менее проблематичен вопрос определения размера вознаграждения за убытки. Здесь уместно рассмотреть ситуацию, в которой одно правонарушение может вызвать целую цепь последствий, в которой одно вытекает из другого. Ориентируясь на судебную практику и труды юристов, следует остановиться на заключении, что такого рода разногласия разрешались на практике по принципу: «если доказано, что деяние ответчика совершено с намерением причинить убытки, то возложение на него ответственности за все эти убытки не встречает более затруднений» [2, с. 13].

Процесс доказывания факта причинения вреда регламентировался ст. 647 Закона. В соответствии с ней, бремя доказывания наличия вины лежало на истце, если эта вина не была очевидной, либо не была добровольно признана ответчиком. Здесь вновь прослеживается факт рецепции прусского права. А именно § 486 Постановлений прусского земского права (Landrecht für die Preussischen Staaten) [5, р. 384], который предполагал, что истец должен доказать вину ответчика, но если вред и убытки причинены объективно неправомерным деянием, то истец освобождался от обязанности доказывать вину ответчика.

Закону было известно понятие соучастия (ст.ст. 648-652). Вероятнее всего, учение о соучастии было реципировано из уголовного права. В уголовном праве это понятие не было в должной мере проработано, так как ему была посвящена лишь одна статья в Уложении о наказаниях (ст. 63), предусматривавшая ответственность главных виновников и участников преступления. То есть, по терминологии как такового понятия соучастия не было, но его прообраз был отражен в понятии «участники», которое предполагало участие в преступлении нескольких лиц, но без предварительного сговора. В качестве соучастников, ст. 63 Уложения о наказаниях выделяла, прежде всего, «попустителей» и «недоносителей». К недостаткам указанной статьи можно отнести еще и отсутствие характера ответственности соучастников. Беря во внимание названные пробелы в уголовном праве, авторы Закона разграничили соучастие «по предварительному согласию» и соучастие «без предварительного согласия» (ст. 650 Закона). В первом случае правонарушитель и соучастники несли долевую ответственность. Во втором случае от-

ветственность соучастников смягчалась, так как каждый нес ответственность только за те убытки и вред, которые причинены именно его действием. В случае если доказать вред каждого соучастника не представлялось возможным, то исходя из нормы ст. 648 Закона, компенсация взыскивалась с них поровну. Очевидно, что при составлении указанных норм, авторы Закона опирались не только на Уложение о наказаниях, но и на Австрийское Гражданское уложение, а так же на Постановления прусского земского права. Прусское законодательство предполагало, что соучастники отвечали за причиненный вред в равной степени если деяние было совершено намеренно (по предварительному сговору), а в случае если вред был причинен по неосторожности (то есть случайно – без предварительного сговора), то каждый из соучастников нес ответственность только за вред, причиненный непосредственно его действиями. Если не было возможности определить, какая часть вреда была причинена конкретным правонарушителем, то они несли ответственность в равной степени. В свою очередь, австрийское законодательство было аналогично прусскому и отличалось лишь тем, что в нем противопоставлялась не грубая и легкая неосторожность, а умысел и неосторожность как таковые.

Ст.ст. 651-652 Закона так же устанавливали ответственность лиц, причастных к правонарушению, а именно: «попустителей, укрывателей и недоносителей». В основу этой нормы легли идеи древнерусского права. Институт субсидиарной ответственности местных жителей, членов общин за преступления, совершенные известными им соседями, знакомыми и т.д. получил свое распространение во время царствования Ивана IV в связи с организацией губных учреждений. Круг лиц, несших субсидиарную денежную ответственность был довольно широк и практика Разбойного Приказа показывает, что зачастую ответственность за преступление, совершенное одним из членов общины, несла вся община. Впоследствии указанный принцип был использован при составлении Уложения 1649 года и Уложения о наказаниях 1845 года.

Ст.ст. 686, 653, 654 Закона определяли ответственность за вред и убытки, причиненные малолетними, безумными или сумасшедшими. По общему правилу, если несовершеннолетним было совершено правонарушение, вызвавшее вред, то ответственность «воскладывалась» на его родителей. При этом, Закон акцентировал внимание на том, что в первую очередь ответственность нес отец и лишь в тех случаях, когда его не было – ответственность несла мать. Исключение составляли случаи, когда родители доказывали, что не могли предотвратить действия, от которого последовал вред или убытки. В этом случае ст. 686 Закона гласит: «убытки взыскиваются с имения малолетнего». Однако не совсем понятно, как малолетний, не имеющий денежных средств мог возместить убытки. На том же основании, ответственность за действия людей, лишенных рассудка, а так же несовершеннолетних, не имеющих родителей, несли те, кто «имел над ними надзор», то есть опекуны. Равно как и в случае с несовершеннолетними, ответственность опекунов исключалась в случаях, если они докажут, что не имели возможности предотвратить правонарушение. Первая часть анализируемой статьи является практически дословным переводом 2-го и 5-го абзаца ст. 1384 французского гражданского кодекса 1804 г. Вторая часть статьи рецепирует прусско-австрийскую идею субсидиарной ответственности самого малолетнего, но в отличие от прусского и австрийского кодексов, в российском гражданском праве эта ответственность не была ограничена. Но, следует заметить, что рецепируя нормы французского права, авторы Закона допустили, по нашему мнению, очень грубую правовую ошибку. Вводя презумпцию вины родителей, французский законодатель имел ввиду не ответственность родителей за вину несовершеннолетнего, а их ответственность за собственную (презумируемую) вину. Внимание здесь обращено не на лицо, находящееся под надзором, а на лицо обязанное осуществлять этот надзор. И ответственность его заключается в том, что оно не осуществило свое обязательство надзора. Именно поэтому родитель должен был нести ответственность как в случае причинения его несовершеннолетним ребенком умышленного, так и неумышленного вреда. Прусское же законодательство, которому обязана происхождением вторая часть нормы, предполагающая исключение ответственности, в корне отлично от французского тем, что в нем не вводится презумпция вины родителей. Они отвечают за деяния своих несовершеннолетних детей лишь в качестве законных представителей. Российский же законо-

датель взяв только первую часть нормы из французского кодекса, а вторую из прусского кодекса совместил воедино две противоречивые по своей юридической природе правовые нормы.

Ст. 655 Закона устанавливала ответственность за неисполнение обязательств. Это относится, прежде всего, к договорным обязательствам, известным по Своду законов гражданских 1842 г.: о причинении пожара в доме лицом, живущем в нем по найму (ст. 1432); о порче движимого имущества, взятого по найму (ст. 1433); о порче имущества, взятого в ссуду (ст. 1773); о порче нанявшимся имуществом, вверенного ему хозяином (ст.ст. 1927, 1928); о присвоении вещей, взятых на сохранение (ст. 1813). Закон не вносил изменения и дополнения в приведенный перечень, отсылая тем самым к указанным статьям, следовательно, ст. 655 Закона можно считать отсылочной.

Ст. 656 Закона предполагала причинение вреда посредством животного. Причем предусматривался не только вред, выраженный физическим характером, статья так же предусматривала «травлю кого либо животным» как вид вреда.

Ст.ст. 657-673 предусматривали ответственность за ряд преступных деяний. Их целесообразнее всего рассматривать разделив на группы. В этом случае, в первую группу войдут ст.ст. 657-670, определяющие ответственность за убийство и повреждение здоровья, а во вторую группу следует отнести ст.ст. 671-673, предусматривавших ответственность за возмещение убытков. Суть статей 657-670 заключалась в том, что если субъект причинит кому-либо смерть или телесные повреждения, он обязуется возместить в первую очередь все расходы, вызванные непосредственно его деянием (расходы на лечение, на попечение больного, на погребение убитого), далее шла обязанность возмещения расходов на содержание семьи потерпевшего в период его лечения (ограничения на них не устанавливались), наконец, если потерпевший становился инвалидом, то правонарушитель обязывался обеспечить ему и его семье содержание. Размер содержания определялся судом исходя из финансовых возможностей виновного. В случае смерти пострадавшего – виновный обязан был обеспечить содержание его семье (родителям, супруге и детям). При назначении данной обязанности, судом учитывался факт, что именно погибший содержал семью и в связи с его смертью у них не было иного источника дохода. Статьи 657-670 построены на принципе алиментов, известных римскому праву. Они предусматривали ответственность за причинение вреда и убытков посредством телесного повреждения или причинения смерти. В свою очередь, указанные постановления противоречили ст. 1969 Уложения о наказаниях 1845 г., устанавливающей ответственность в случаях причинения телесных повреждений, обязанность возмещения расходов на лечение и вознаграждения за все убытки, понесенные лично потерпевшем и его семьей. Ст.ст. 662, 663, 664 и 666 предоставляли потерпевшей женщине, не имеющей средств для существования, право требовать от виновного содержания, назначаемого до ее вступления в брак. Притом, размер содержания также устанавливался по принципу соразмерности с имуществом виновного. Ст. 665 предусматривает ответственность за незаконное лишение свободы. Очевидно, что лишение свободы предполагается здесь временное, поэтому в соответствии со ст. 660, кроме непосредственно вызванных лишением свободы расходов, виновный обязан был предоставить семье потерпевшего содержание, соразмерное с его имуществом.

Ст.ст. 667-670 регламентировали гражданскую ответственность за нанесение личной обиды или оскорбления. В названных статьях определялась обязанность уплаты «безчестья» (ст. 667) сверх понесенного потерпевшим ущерба в имуществе (ст. 670). Идея возмещения так называемого морального вреда была реципирована в отечественное законодательство из римского права, регламентирующего ответственность за вред «неимущественного» характера. Размер «безчестья» изначально определялся не конкретной суммой, а в зависимости от оклада содержания (для лиц, состоявших на государственной службе) или от годового оклада налогов и податей, платимых потерпевшим в казну. В дальнейшем размер компенсации вреда был определен более конкретно: «что касается самой высшей и самой низшей меры вознаграждения за обиды, то она должна быть не менее 1 рубля и не более 50 рублей серебром. Через то самая меньшая мера будет равна самому большему из взысканий за обиды словом, нанесенные при ссорах в питейных домах и т.п., а самая высшая такова, чтобы виновный, который не в состоя-

нии заплатить ее, мог быть на основании ст. 90 Уложения о наказаниях заключен в тюрьму не более как на 80 дней, ибо по ст. 2014 Уложения о наказаниях за обиды словом с обстоятельствами, увеличивающими вину, и без того уже осужденный заключается в смиренный дом не менее, как на 90 дней» [2, с. 61].

Ст.ст. 671-673 определяют принцип возмещения вреда и убытков. При этом возмещается рыночная цена вещи, а так же все понесенные потерпевшим убытки. Проведение отчетливой границы между ценой, как выражением объективной ценности самой вещи и убытками, причиняемыми ее повреждением или похищением не только исключает возможность ошибочных определений стоимости вещи, но и свидетельствует о том, что в области ответственности за имущественный вред, отечественный закон опередил все законодательства того времени, так как ни в одном из них подобное разграничение ни проводилось. Так же следует отметить, что каждый из возможных видов вреда вещи был выделен в обособленную статью: присвоение (ст. 671), похищение (ст. 672), повреждение или истребление (ст. 673). Подобный перечень представляется исчерпывающим и дополнительных комментариев не требует. Ст. 675 Закона дополняла ст.ст. 671-673 и определяла общий порядок определения судом размера ответственности, а так же вносила постановление о способе оценки вещи посредством «присяжных ценщиков».

Ст. 674 Закона предусматривала ответственность «береговых владельцев» за вред, причиненный «промышленникам» (по-видимому здесь подразумеваются торговцы) путем повреждения мостов или «постановление в реке заколов», как следствие вызвавших необходимость задержаться. Рассматриваемая норма предполагала наличие умышленного деяния, направленного на препятствование проходу торговых кораблей через акваторию, находившуюся в ведении конкретного лица, определяемого статьей как «береговой владелец». Санкция данной нормы предусматривала штраф в размере одного процента от сплавляемых ими товаров за первые семь дней задержания и по одному – два процента за каждую следующую неделю. При этом, вознаграждение в указанном размере не лишало потерпевшего права предъявить к правонарушителю иск о возмещении убытков.

Историческая ориентированность исследования обусловлена стремлением обратить внимание на важность института деликтной ответственности для современного гражданского права.

Анализ выявленных пробелов и коллизий в правовом регулировании ответственности вследствие причинения вреда в российском праве II половины XIX в. – начала XX в. позволит избежать их повторения при формировании отечественного законодательства.

Библиографический список

- [1] Войтович Л.В., Сергеев И.В. Особенности института деликтной ответственности в римском частном праве // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы III Международной научной конференции. – Казань: Бук, 2015. – С. 10-12.
- [2] Моносзон С.М. О происхождении статей 644-682 и 684-689 Свода законов гражданских, Закона 21 марта 1851 г.: Семинарий по гражданскому праву. – М.: Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского, 1913. – 56 с.
- [3] Свод законов Российской империи: Изд. 1914 г. – Т.10. – Ч.1.: Свод законов гражданских. – СПб.: Сенатская типография, 1914. – 1104 с.
- [4] Французский гражданский кодекс 1804 года. – [Электронный ресурс]. – http://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/uf/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio49/.
- [5] Allgemeines Landrecht Fur Die Preussischen Staaten. – М.: Книга по требованию, 2011. – 384 с.

UDC 347.53

L.V. Voytovich, I.V. Sergeyev

**LEGAL REGULATION OF RESPONSIBILITY OWING TO INFLECTION
OF HARM IN RUSSIAN LAW THE SECOND HALF
OF THE XIX CENTURY – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

This paper studied the main provisions of the institute of civil liability in the II half of XIX century – early XX century in historical perspective, identify gaps and conflicts related to the legal regulation of legal relations the study area, conducted a partial analysis of the institutions of civil liability of foreign states in the same period in order to obtain a comprehensive view of the sources of the Law of March 21, 1851. The purpose of studying the positive experience of legal regulation and the right of the institution of tort liability in this period was the use of some of its provisions to further develop concrete recommendations for improvement of the modern domestic legislation.

Keywords: *tort, tort liability, civil liability, tort liability, damage, loss, Law March 21, 1851.*